

УДК 82.091

**«РУССКИЙ МИФ» И «КОМПЛЕКС МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА».
ЧАСТЬ II: «СЕВЕРНЫЙ КОЛОСС»
В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: v-orehov@mail.ru*

«Комплексом маркиза де Кюситина» в статье назван феномен конкурентного сосуществования в западном мифе о России двух полярных мифологем «сила России» vs «слабость России». Эта амбивалентность западного мифа наиболее рельефно выражена в книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году». Анализ бытования «русского мифа» в хронологическом пространстве с конца XVIII в. до наших дней (до момента проведения Специальной военной операции на Украине) позволяет заключить, что в зависимости от ряда факторов соотношение указанных мифологем постоянно менялось. Преобладание мифологемы «сила России» вело к осознанию опасности агрессивных действий в отношении России, тогда как преобладание мифологемы «слабость России» рождало в коллективном мышлении Запада идею о необходимости нейтрализации России как потенциальной угрозы. В том и другом случаях Россия воспринималась в качестве противника, различия лишь выбираемый принцип отношений с этим противником: вынужденное сотрудничество либо силовое подавление. Современные возможности манипуляции общественным мнением позволяют произвольно разрушать паритет между мифологемами «сила России» и «слабость России», превращая западный миф о России в мощное оружие информационной войны.

Ключевые слова: А. де Кюстин, амбивалентность мифа, миф о России, империя фасадов, имагология.

ВВЕДЕНИЕ

В предыдущей статье [38] мы выяснили, что в эпоху Екатерины II в Европе сформировалось «расщепленное» представление о России: с одной стороны, геополитические успехи заставляли видеть в ней серьезную силу миропорядка, с другой – муссировать тему «иллюзорности» российского потенциала. Это стечение конкурирующих идей ярко проявилось в настроениях европейских дипломатов, сопровождавших Екатерину II во время путешествия в Крым в 1787 г. Мысль о показном характере российского величия закрепились фразеологическими сочетаниями «потемкинские деревни» и «коLOSS на глиняных ногах».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Представления и о «силе», и о «слабости» России одновременно присутствовали в европейском коллективном сознании (этот эффект мы называем «комплексом маркиза де Кюстина»), однако – боролись между собой, и результаты этой борьбы имели прямые политические последствия. Известно, скажем, что Франция после присоединения Крыма к России помогала Турции готовиться к вооруженному реваншу, однако участие французского посланника Л.-Ф. де Сегюра в крымском

путешествии Екатерины II заставило по-новому оценить военный потенциал России. Судя по мемуарам дипломата, он колебался между двумя крайностями: то преувеличивал возможности России, то причислял ее достижения исключительно к сфере «визуальных эффектов». Вид севастопольской эскадры произвел на него сильное впечатление [5, с. 45], и в конечном итоге Сегюр транслировал своему правительству мысль о готовности Екатерины II нанести Турции, как сегодня бы сказали, «неприемлемый ущерб». В результате политика Франции нацелилась на удерживание Турции от конфликта с Россией.

История подтвердила верность выводов, сделанных Сегюром. Турции действительно не стоило идти на конфронтацию. Вскоре политический пасьянс сложился таким образом, что война между Турцией и Россией становилась выгодна Англии: вооруженное столкновение обещало подорвать французское влияние в Турции, затормозить продвижение России на Восток и позволяло торпедировать русско-французские коммерческие планы. Англии удалось побудить Турцию к развязыванию конфликта [16, с. 291]. В 1787 г. началась очередная русско-турецкая война, которая привела к поражению Порты и к признанию ее дипломатами прав России на «совершенное и беспрепятственное владение» Крымом и Северным Причерноморьем от Буга и Днестра [45, с. 176].

Амбивалентность русского мифа проявлялась и в более позднем политическом дискурсе Франции. События Великой Французской революции на какое-то время сделали Россию не самым актуальным предметом интересов. Информация о России в прессе ограничивалась, как правило, набором шаблонных представлений [48, с. 347], но постепенно Россия начинала восприниматься как серьезный враг Республики (хотя Екатерина II долгое время и не вступала в антифранцузскую коалицию). Исследователи указывают, что миф «русской угрозы» заметно усилился сначала после победы России над Турцией в войне 1787–1791 гг., а потом – после разрыва дипломатических отношений между Россией и Францией в 1792 г. [48, с. 350–352]. В этом контексте весьма показательно выступление в Национальном Конвенте в 1794 г. графа Ф.-А. де Буасси д'Англа. Пафос речи – призыв к народам Европы объединиться перед лицом «русской угрозы», и важна аргументация политика – это два контртезиса. С одной стороны, Буасси д'Англа соглашается с тем мнением, что «Российская империя – это колосс на глиняных ногах, что порочность разъедает ее, что рабство лишает ее всякой энергии и движущих сил, что она огромна <...> и при таких размерах ею очень трудно управлять» [48, с. 357]. Но тут же напоминает: «<...> Этот гигант, прежде чем самому погибнуть, раздавит и вас! И падет на ваши останки, он не будет расчленен прежде, чем вы будете разорены, рассеяны и раздавлены. Датчане, шведы, немцы, пруссаки, османы, подумайте: время летит, и удар будет ужасен, собирается бурный московитский поток!» [48, с. 357].

Объективность требует отметить, что на роль «слабого колосса» находились и другие претенденты. Когда в результате Итальянской кампании Наполеону удалось склонить Австрию к мирному договору, то основной военной целью Франции стала Англия. Талейран тогда разослал всем французским дипломатам за рубежом манифест, в котором называл Англию «колоссом на глиняных ногах, который должен быть низвергнут» (“colosse aux pieds d'argile qu'il fallait renverser”) [77, p. 324].

Но обратим внимание вот на что. Еще в 1787 г. соотношение полярных представлений в мифе о России могло влиять на политические решения: тогда возобладала мифологема русской мощи, и это определило позицию уступок со стороны Франции в турецком вопросе. Но процитированный манифест Талейрана намечает иную тенденцию: политическая воля стремится диктовать «соотношение сил» в мифе и таким образом использовать миф в собственных интересах. Ведь очевидно, что Талейран в угоду собственной политической программе стремится актуализировать стереотипные представления о слабостях Англии. Эти слабости французам виделись в том, что английская государственность зиждется «на кредитах, банковских счетах, эгоизме и грубых материальных расчетах» [12, с. 164]. И в то же самое время, Талейран «забывает» о полярных стереотипах английского мифа (Англия – повелительница морей, самая большая империя и проч.). Чтобы «подогреть» военные настроения, политик нарушал баланс мифологем.

В скором будущем этим приемом в совершенстве овладеет Наполеон. Уже во время Итальянской кампании – в период «утверждения на итальянской земле “свободы, равенства и братства” по-французски» [63, с. 26] – он активно использовал печать как инструмент пропаганды [58, с. 65]. Возглавив Францию, Наполеон полностью подчинил себе французскую и в значительной степени – европейскую печать [57, с. 125]. В его распоряжении оказался ресурс, который позволял организовывать небывалые до той поры «информационные войны», готовившие идеологическую почву для вооруженных кампаний.

К войне против России Наполеон начал готовить общественное мнение в 1811 г. Тактика «информационных атак» сводилась к тому, чтобы реанимировать в коллективном сознании старинные стереотипы. Сделать это было несложно. Во французской памяти еще были живы «тревоги» по поводу участия России в антифранцузских коалициях. Всего десятилетием ранее итальянские победы Суворова делали вполне вероятным вступление русских войск в пределы Франции. По воспоминаниям Стендаля, монархисты тогда готовы были приветствовать подобный исход событий; среди них в ходу была цитата из Горация «O Rus, quando ego te aspiciam!» (О деревня, когда увижу тебя!) [76, р. 187]. Поскольку «rus» (деревня) произносится так же, как «russe» (русский), это восклицание звучало в качестве каламбура. Однако даже в монархической среде реальный приход русских должен был восприниматься с немалой долей опасений. Когда аристократ Ж. де Местр увидел в Италии солдат суворовской армии, то впечатления его были такими: «Вот они, скифы и татары, пришедшие сюда с Северного полюса, чтобы перерезать с французами друг другу горло» [27, с. 9]. Легко понять, что в сознании сторонников Республики образ русских «скифов и татар» был еще более пугающим, тем более что пресса в связи с успехами Суворова нагнетала страхи по поводу готовности России «выплеснуть свои орды на плодородные земли Европы» [31, с. 135].

Теперь, накануне нападения на Россию, наполеоновская пропаганда методично тиражировала ту же мысль, нагнетая настроение неизбежности «азиатского нашествия». Наполеон придавал большое значение такой «идеологической подготовке». В 1812 г. он сам редактировал для печати [26, с. 172–176] поддельное «Завещание Петра I», текст которого убеждал французов, что российский император

завещал потомкам постоянно вести войны [21, с. 78–80] и захватить европейский континент [31, с. 134]. Целью наполеоновской пропаганды было создать настроение страха перед внешней угрозой, а кроме того – консолидировать французских союзников перед лицом «московитского варварства» [1, с. 25] и «орды, которой нужно противостоять всем европейцам» [14, с. 184].

Однако мифологема неизбежной «русской угрозы» – лишь один полюс «русского мифа». Она рождала в большей степени страх, нежели готовность к войне. И потому французская пропаганда одновременно «раскручивала» иную полярную мифологему – о культурной, промышленной, государственной отсталости России. Н. В. Промыслов, например, отмечает, что французская пресса той поры умалчивала о российских успехах в войне против Турции, но зато преувеличивала всякую их неудачу [47, с. 42].

Словом, пропагандистский аппарат Наполеона искусно создавал из России образ «колосса на глиняных ногах». Причем соотношение мифологем «русской угрозы» и «русской слабости» преподносилось в четко взвешенной пропорции: Россия изображалась достаточно сильной, чтобы захватить Европу, но – недостаточно сильной, чтобы противостоять Наполеону, который рисовался вождем эпохальной схватки [60, с. 77–78]. Европейскому мнению была навязана мысль, что «русское нашествие» неизбежно, а потому воевать против России «лучше сейчас, пока она не набрала всей своей силы и пока французской армией руководят блестящие полководцы во главе с самим императором» [46]. Находясь во власти «скоординированного» Наполеоном «русского мифа», Великая армия и вторглась в пределы России.

Дальнейшие события разрушили заданные пропагандой «пропорции» мифа. Разговоры о «слабости России» все чаще уступали место предчувствию французского поражения. Если верить мемуарам Талейрана, то в 1813 г. «колоссом на глиняных ногах» [52, с. 248] воспринималась уже не Россия, а сам Наполеон, терявший поддержку союзников и собственных подданных. Когда российские войска вступали в Париж, то в сознании парижан мифологема «русской слабости» оказалась почти полностью вытеснена мифологемой «русского могущества». Сила «северного колосса» все еще рождала чувство страха, но оно уравнивалось любопытством к экзотическому воинству, низвергнутому Наполеоном [9, с. 17].

На какое-то время в русско-французских отношениях наступило затишье, однако уже с 1830 г. антироссийские настроения, а вместе с ними и старые мифы о России, получили новую энергию. Можно выделить основные события, повлекшие за собой особенно бурные волны антироссийской пропаганды: Июльская революция 1830 г., подавление Польского восстания в 1831 г. Однако все это – лишь внешние импульсы, причины же скрывались в логике европейского устройства.

Реставрация Бурбонов заблокировала либерально-буржуазные преобразования во Франции. «Венская система» узаконила второстепенное положение страны на международной арене. Попытки Франции расширить внешнеполитические возможности не давали результата [59, с. 202–204], и было очевидным, что существование Священного союза консервирует такую ситуацию на неопределенные сроки. Нельзя недооценивать и моральную составляющую; французские поражения

наполеоновской поры изначально воспринимались как национальное унижение, и наставшая затем закрепощенность возможностей внутри Франции и в сферах внешней политики – лишь усиливала чувство национальной ущемленности. Это в свою очередь, распалило жажду реванша, а Россия виделась наиболее мощным препятствием к его осуществлению. Все перечисленное и привело к упомянутым обстоятельствам: во Франции произошел социальный взрыв 1830 г., а Россия снова превратилась в «образ врага», против которого началась затяжная «информационная война».

Следует учитывать коренное отличие этой «информационной войны» от той, что велась в 1811–1812 гг. Тогда Наполеон полностью контролировал сферу печати и пропаганды, что позволяло ему указывать цели и регулировать интенсивность информационных атак. В новых же условиях не существовало политической силы, способной подчинить себе информационное поле [36, с. 134–135]. «Война перьев» имела вид стихийного процесса, который разные политические игроки использовали в собственных интересах. Антирусский риторика оказывалась выгодной для всех партий, кроме легитимистов. Происходила регенерация русских мифов: чем интенсивнее пресса запугивала публику рассказами о «московитском варварстве» и «русском нашествии», тем больше рос читательский спрос на подобную информацию, а это, в свою очередь, определяло рост предложения со стороны газет и журналов. Критика России превратилась в поле безопасного и доходного состязания между французскими литераторами. Очень точно это подмечает Н. П. Танышина: «Играя на антирусских настроениях, можно было заработать политические очки, завоевать популярность и голоса избирателей, а также финансово преуспеть» [53, с. 96].

Именно в такой ситуации в Россию отправился маркиз де Кюстин. Поездка состоялась в 1839 г., а в 1843 г. по ее впечатлениям писатель выпустил книгу «Россия в 1839 г.», ставшую одним из самых известных европейских сочинений о России [28, с. 248]. Прежде чем объяснить феномен этой популярности, следует разобраться, что руководило автором и насколько точно он соотнес литературный портрет России с действительностью.

Книга оформлена в виде путевых писем. В. А. Мильчина убедительно демонстрирует, что во время пребывания в России Кюстин действительно вел путевые записи и корреспонденцию, однако тексты эти для книги «подверг радикальной переработке» [29, с. 733]. Факт этой «радикальной переработки», занявшей около трех лет, вынуждает ставить вопрос о степени документальности «писем» Кюстина. Думается, мы не можем их воспринимать в качестве путевого дневника и должны видеть в них аналог «литературных путешествий» конца XVIII – первой половины XIX в. Для сочинений этого жанра было свойственно «монтажное» создание «условного повествователя, который и соотносим с авторской личностью, и отличен от нее» [39, с. 7]. Лирический герой «писем» Кюстина не более похож на реального Кюстина, чем лирический герой, скажем, «Писем русского путешественника» похож на реального Н. М. Карамзина.

В «литературном путешествии» событийный сюжет подчинен развитию идеи. Если говорить о сочинении Карамзина, то здесь авторская цель – утвердить мысль о

благое освоения русской «юной цивилизацией» достижений европейского просвещения. Маршрут «русского путешественника» по Европе, все встречи с европейцами «выстроены» в повествовании так, чтобы перед читателем поступательно и многоаспектно раскрылась авторская идея. Именно поэтому текст Карамзина – «не сумма бесхитростных дорожных записей» [24, с. 541], а результат отбора реальных фактов с целью превращения их «в факты художественного творчества» [24, с. 534]. Даже если отследить в описаниях Карамзина «тенденцию к точности» [20], то все же придется признать «литературность» основных задач и «судить» «Письма русского путешественника» «по законам художественного текста» [3, с. 159].

Точно то же можно сказать и о сочинении Кюстина. Литературность его «путешествия» подтверждается даже не стилем повествования, не отзвуками литературных традиций [42, с. 150], а прежде всего последовательностью, неуклонностью развития главной идеи. Этой идее подчинена и «биография» лирического героя. В предисловии сказано, что он направился в Россию, «дабы отыскать там доводы против представительного правления» [23, с. 17], однако русские заставили его «по-новому взглянуть на монархическую идею и предпочесть деспотизму представительное правление» [23, с. 18]. Этот идеологический «переворот» и становится главной интригой книги.

Преображение монархиста в поборника демократии – вполне реалистичный сценарий для Франции той поры. Не противоречит историческому правдоподобию и то, что француз-монархист воспринимал в качестве наиболее яркого примера абсолютизма именно Россию. Сомнение лишь в том, насколько все это соответствует мировоззренческой эволюции самого автора – маркиза де Кюстина. Известно, что его аристократическая семья сильно пострадала во время террора Великой Французской революции. В эпоху ослабления Наполеона Кюстин был на стороне Бурбонов, однако Реставрация виделась ему неким анахронизмом [29, с. 714]. Июльская монархия отталкивала его тем, что ставила во главу угла меркантильные интересы буржуазии [29, с. 714]. Судя по всему, у Кюстина не было четкой системы политических взглядов. Он смотрел на действительность как эстет, философ, литератор, аристократ, но только не как убежденный приверженец определенной социальной доктрины. Думается, его политические взгляды точно отражает письмо к Рахели Варнгаген (1831): «Политика мне либо скучна, либо страшна <...>. Правительства кажутся мне неизбежным злом, неотвратимым следствием общественного состояния. <...> Я ненавижу те лживые правительства, какие именуются представительными. Я желал бы жить в большом государстве с чистой монархией, ограниченной мягкостью европейских нравов, или в стране маленькой и чисто демократической» [Цит. по: 29, с. 714]. То есть уже в 1831 г. Кюстин принимал демократию, а монархию ценил лишь в том случае, если она «смягчена» европейскими нравами. Можно допустить, что в 1814–1815 гг. французы могли в качестве подобной полувосточной монархии воспринимать Россию «либерального» Александра I. Но во Франции 1830-х гг. было совершенно очевидным, что николаевская Россия – последнее место, где можно искать «смягченный» абсолютизм. Так что из ряда причин, которые могли привести маркиза де Кюстина в Россию [62, с. 75], та, что указана в предисловии к его книге,

выглядит наименее правдоподобной для реального маркиза, но зато – наиболее подходящей для литературного героя, которому предписано испытать либерально-демократический катарсис.

Итак, мировоззренческий «переворот», пережитый лирическим героем, был интересен автору с литературной точки зрения: это позволяло развернуть идеологический сюжет и уйти с уровня банальной фактографии в сферу литературно-философского анализа.

Но важно, что этот «переворот» оказывался чрезвычайно выгодным и с точки зрения актуальной политической конъюнктуры. Как известно, Николай I с большим разочарованием воспринял Июльскую революцию и отказывался признавать за «королем-буржуа» Луи-Филиппом тот же статус, что за другими монархами Европы. Между государствами возникла напряженность, которая подталкивала рост антиросийских настроений во Франции. В этой ситуации Луи-Филипп, избегая полного разрыва с Россией [11, с. 65], искал сближения с Англией, которая, во-первых, сразу признала его право на власть, а во-вторых, оказывалась естественным союзником в противостоянии со Священным союзом. Любая критика России была выгодна Луи-Филиппу, поскольку позволяла оправдать в глазах общества политический дрейф в сторону Англии. Так что сочинение разоблачающее, российский деспотизм, почти гарантированно должно было снискать одобрение Орлеанского двора, а заодно – и большинства политических партий, и широкого читателя, уже давно настроенного видеть в России врага. Верно и обратное: сочинение, в котором герой вернулся бы из России убежденным легитимистом и поклонником Николая I, было бы обречено на провал, а его автор – на травлю.

Между тем биография Кюстина подсказывает, что он искал литературного успеха. Общеизвестно, что нетривиальность гендерных предпочтений закрыла перед ним двери высшего общества. Кюстин компенсировал вынужденное отшельничество общением в кругу литераторов и литературными опытами. Ему принадлежит несколько романов, которые успеха не принесли, но сделали автору репутацию писателя средней руки. Более высокие оценки критиков вызвали путевые заметки «Испания при Фердинанде VII», опубликованные в 1838 г. [29, с. 709]. Думается, стоит согласиться с биографом Кюстина Дж. Ф. Кеннаном, что литературная репутация стала для маркиза жизненной целью: «Больше всего ему хотелось стать признанным мэтром современной литературы» [19, с. 16].

Все перечисленные обстоятельства должны были подсказать Кюстину жанр и идеологию будущего сочинения о России. Однако этого было недостаточно, чтобы обеспечить успех. Трудно сказать нечто новое об «азиатском варварстве» и «мрачном деспотизме» русских, когда эти предметы превращены в общее место французской публицистики и литературы. Позиция очевидца также не давала абсолютных преимуществ: Россию уже неоднократно описали литераторы-путешественники, но их произведения не принесли авторам той славы, к какой стремился Кюстин.

И все же Кюстину удалось нащупать ход, который сделал его сочинение бестселлером. В. А. Мильчина очень точно указывает, что главная черта, отличающая книгу Кюстина от сочинений путешественников, – афористичность:

«Иллюзорность “парадной” стороны российской жизни замечали многие, но “царством фасадов” нарек Россию один Кюстин» [29, с. 718].

Судя по прежним литературным экспериментам, талант Кюстина был несколько вторичен. Он чутко улавливал литературные тенденции, легко приноравливался к ним, но не был совершенно оригинален. Теперь же именно это умение – ухватить мысли, витающие в воздухе, – он превращал в сильную сторону своего сочинения, поскольку умел придать им новую афористичную форму.

У Кюстина не было времени близко познакомиться со страной, где он провел всего 3 месяца. Но близкое знакомство и не требовалось, поскольку книга строилась на тех «знаниях» о России, которые у Кюстина сформировались заранее, то есть – на общефранцузских стереотипах. И в этом отношении трудно не согласиться с Б. М. Парамоновым: «Чтобы написать такую книгу, кажется, не надо было ездить в Россию» [43, с. 156]. «Все мотивы будущей книги Кюстина, – отмечает В. А. Мильчина, – вплоть до посещения Макарьевской ярмарки, общения с “золотой молодежью” и страха преследований со стороны полиции, здесь запрограммированы – именно потому, что матрица европейского восприятия уже полностью сложилась» [29, с. 716]. Метафорично и убедительно в этом контексте звучит и наблюдение В. А. Серковой: «Кюстин скован завезенными контрабандой матричными представлениями» [50, с. 23]. Эта «скованность» выполняла функцию оптического фильтра: автор «видел» в России лишь то, что «было в сознании и подсознании французов» [55].

В результате Кюстину удается создать своего рода «энциклопедию» французских стереотипов: о русских пустынных и бескрайних пространствах, о смертоносных холодах, об азиатчине и варварстве, об экономической и культурной отсталости и т. д., и т. п. Правильнее сказать, Кюстин реконструирует французский миф о России в его целостности. Как уже отмечено, стержневым сюжетом этого мифа он сделал мировоззренческое преобразование лирического героя, который последовательно идет к разочарованию в абсолютизме. И автору удается найти прием, интригующий читателя: герой не просто видит в России не то, что ожидал увидеть; он, подобно мифологическим персонажам, преодолевает череду испытаний: на каждом шагу он вынужден отыскивать «истину», которую от него скрывают. Таким образом, путешествие героя по России – это увлекательный квест, ряд «открытий», результат которых всегда один и тот же: за парадной завесой внешнего величия обнаруживается неприглядная, жалкая, а порою и ужасная реальность. Таким образом, в книге доминирует мотив иллюзорности любого позитивного начала в России – тот самый мотив, который уже давно был выражен европейцами легендой о «потемкинских деревнях» и метафорой «колосс на глиняных ногах».

Кюстин не упускает возможность «подтвердить» легендой «открытия» своего героя и «напоминает», что во время путешествия Екатерины II в Крым вдоль пути были возведены деревни, «состоящие из одних раскрашенных фасадов» [23, с. 171]. Кюстин использовал также образ «колосса». «Колоссом на глиняных ногах» он, например, называет Петербург [23, с. 173], но далее начинает модернизировать метафору и говорит: «Россия – это безжизненное тело, колосс, который существует за счет головы, но все члены которого изнемогают, равно лишенные силы!..» [23,

с. 221]. Потом Кюстин называет Россию «великаном», обладающим «хилыми средствами» и «едва покинувшим свою древнюю азиатскую колыбель» [23, с. 494], и наконец, сравнивает империю с «колоссом, изваянным обезьяной» [23, с. 516]. Все это – и постепенная шлифовка афоризма, но еще и прием внушения, основанный на беспрестанном повторе одной и той же информации, поданной в разной словесной оболочке.

Примечательно, что в частной переписке с европейцами, характеризуя стремление русских приукрашать действительность и преувеличивать собственные достижения, Кюстин был лаконичнее и использовал слово «гасконады» (*gasconnades*) [70, р. 461]. Но это определение не годилось для книги, поскольку напоминало бы читателю об интернациональной природе психологического явления, которое автор нацелился приписать исключительно жителям «колоссальной империи». Кюстин искал определение, ассоциативно «привязанное» к России, и делал ставку сразу на два варианта: развитие метафоры «колосс на глиняных ногах» (о чем уже сказано) и афористичное выражение легенды о потемкинских деревнях.

Упомянув о «раскрашенных фасадах» [23, с. 171] легендарных деревень, Кюстин ухватывается за этот образ. Далее, рассказывая о *свежевыкрашенных* петербургских домах, он подсказывает читателю ассоциацию с легендарными деревнями времен Екатерины: «Дома здесь <...> белого цвета и выглядят чистыми, но эта их внешность обманчива. Я знаю доподлинно, каковы они изнутри, и потому прохожу мимо блистающих *фасадов* (выделено мной. – В. О.) с почтительным отвращением» [23, с. 214]. Автор дает понять, что со времен Екатерины II мало что изменилось, поскольку «в провинции *красят* (выделено мной. – В. О.) города, через которые должен проезжать император» [23, с. 214]. Чуть далее образ фасадов предстает в еще более обобщенной проекции: «Путешественник, <...> мог бы проехать всю русскую империю из конца в конец и вернуться домой, не увидав ничего, кроме череды фасадов, – а именно это и требуется, как я погляжу, чтобы понравиться моим хозяевам» [23, с. 226]. И наконец кульминация: очередной раз «напомним», что русские «еще недавно <...> были ордой, <...> повиновались приказам дикарей», а теперь «вознамерились отстаивать цивилизацию от народов сверхцивилизованных» [23, с. 495], Кюстин записывает ставшее знаменитым выражение «царство фасадов» (*royaume des façades*) [23, с. 497; 69, р. 71], которым он называет Россию, обобщив в афоризме и «потемкинские деревни», и все варианты слабых «колоссов», и все, что может быть представлено русскими в позитивном свете, – будь то по их злому умыслу или по простоте душевной.

«Царство фасадов» стало, пожалуй, наиболее известным афоризмом Кюстина. Фразу вскоре подхватил А. Дюма и использовал А. И. Герцен [13, с. 99–100]. Герцен, впрочем, переиначил в своем дневнике (1843) «царство фасадов» в «империю фасадов». К. В. Душенко обоснованно объясняет это превращение «неточным цитированием» [13, с. 99], и думается, ошибка симптоматична. Что для Кюстина было «врожденным пороком России», то для Герцена было приобретением нового времени и принадлежностью определенной части общества. Это станет очевидным, когда Герцен использует выражение «империя фасадов» в своих известных зарубежных работах: «О развитии революционных идей в России» (впервые в 1851 г.

на нем. и франц. яз.) и «Русский народ и социализм» (впервые в 1851 г. на франц. яз.). Оба текста были обращены, прежде всего, к европейскому читателю, и Герцен не просто писал их на европейских языках, он использовал понятные европейцам, привычные для них словесные формулы, отражающие стереотипные представления о России. Но при этом Герцен настойчиво стремился эти формулы переосмыслить, предлагая их новое «прочтение» [37, с. 72–73]. Именно это и происходит с метафорой «империя фасадов». В работе «О развитии революционных идей в России» Герцен называет «империей фасадов» (*l'empire des façades*) конкретно «официальную Россию» (*la Russie officielle*) [8, с. 79]. В работе «Русский народ и социализм» «империя фасадов» – это снова же «официальная Россия» и ее «византийско-немецкое правительство» (*gouvernement byzantino-allemand*) [8, с. 272]. Впрочем, в авторизованном переводе последней работы выражение «*l'empire des façades*» передано как «царство-фасад» [8, с. 307], то есть приближено к кюстиновскому звучанию, но все же не к кюстиновскому значению. Вообще, следует заметить, что во всей зарубежной публицистике Герцена четко прослеживается стержневая цель – отделить в коллективном сознании Запада представления о русском народе от представлений о российской государственной системе. Если в отношении официальной России рассуждения Герцена во многом согласовались с зарубежными критическими отзывами, то русский народ в герценовском изображении представлял носителем стихийного социализма и самобытной культуры, призванным историей обновить одряхлевшие устои «старого мира». Все это не согласовывалось с европейскими стереотипами о «свирых азиатских ордах».

Однако вернемся к Кюстину. Его книга ярко выражает амбивалентность русского мифа. Уже сам образ «колосса на глиняных ногах» несет в себе двойственность: в нем мощь и слабость одновременно. Но автор еще и усиливает контраст. Он рассуждает, например, о плохом состоянии русской армии и говорит, что недавние турецкие кампании выявили «слабость колосса» [23, с. 305]. Но тотчас замечает: «Я вижу этого *колосса* (выделено мной. – В. О.) вблизи, и мне <...> представляется, что главное его предназначение – покарать дурную европейскую цивилизацию посредством нового *нашествия* (выделено мной. – В. О.)» [23, с. 306]. Это противоречие прослеживается по всему тексту, и неслучайно оно бросилось в глаза первому же печатному оппоненту Кюстина, старшему советнику МИД К. К. Лабенскому [30], который не преминул отметить: «Как ни странно, утверждая на одной странице, что мы обречены на гибель, г-н де Кюстин пишет на другой странице, что мы достаточно сильны, чтобы еще раз явить миру зрелище великого *нашествия*...» [Цит. по: 29, с. 771].

Это сквозное противоречие книги не говорит о дефиците логического мышления у автора, оно лишь отражает расщепленность французского мифа, которую Кюстин отразил с осязательным энтузиазмом и более полно, чем предшественники. Стилизовав сочинение под хронику путешествия [43, с. 156], Кюстин упорядочил, свел в единую систему разрозненные «русские мифологемы»; это не перегружало читателя новыми знаниями, а лишь убеждало, что он, читатель, даже не видав России, все же совершенно справедливо судил и о ее морозах, варварстве и стремлении захватить Европу.

В актуальных политических условиях особенно востребованной становилась мифологема иллюзорности русской мощи. Французское общество морально готовилось к противостоянию с Россией. Это подпитывало энергией мифологема «русской угрозы», призванной мобилизовать коллективное сознание перед лицом «внешнего врага». Но на случай реальной борьбы против России мифологема «русской угрозы» нуждалась в противовесе, который не позволил бы страху перед Россией подавить коллективную браваду. Таким противовесом и была мифологема об иллюзорности российского могущества. Кюстин изобразил Россию такой, какой ее желали видеть [44, с. 56; 7, с. 4], и мифологемы «силы» и «слабости» России поданы им в тех пропорциях, которые были характерны для конкретной исторической ситуации.

Чтобы продемонстрировать, насколько точно Кюстин «улавливал» эти пропорции, обратимся к тексту, который незадолго до этого редко фигурирует при анализе французских представлений о России той поры. Речь идет о трехтомнике супругов Омер де Гелль «Степи Каспийского моря, Кавказ, Крым и южная Россия» [73].

Ксавье Омер (Оммер) де Гелль – французский инженер, которому удалось получить финансовую поддержку М. С. Воронцова для осуществления экспедиции на Каспий [67, р. 186; 75, р. 32]. Целью исследований была разница между уровнями Каспийского и Черного морей. В 1839 г. путешественник действительно совершил длительную поездку в Прикаспийские степи, однако, вопреки отчетам, осуществить научные замыслы в полной мере ему не удалось ни в 1839, ни в последующие годы [6, с. 246; 17, с. 456; 34, с. 3]. Зато Омер де Геллю удалось неоднократно посетить военную линию на Кавказе и внимательно осмотреть Севастополь.

В 1843–1845 гг. Ксавье совместно с супругой издал трехтомное описание своих путешествий по России, скомпоновав материалы таким образом, чтобы ряд разнонаправленных поездок по южным областям страны выстроился в маршрут единой экспедиции. При этом первые два тома «Степей Каспийского моря...» превращались более в литературное «путешествие», нежели в научное, и содержали множество материалов, интересных в большей степени с точки зрения политической, нежели исследовательской.

Объясним интерес французского инженера к главной базе Черноморского флота Севастополю. После присоединения Крыма к России полуостров не переставал интересовать французское правительство (это подтверждается сбором агентурных сведений [22; 61; 64]) и французских читателей. Омер де Гелль, увидевший город в 1841 г., описывает и Севастопольскую эскадру, и береговые укрепления [35, с. 431–438]. Однако вряд ли стоит видеть в авторе агента-разведчика. Судя по всему, на основные объекты иностранца не допустили, а потому его сведения изобилуют фактическими ошибками [35, с. 253–305]. Любопытно иное – как строится описание. Путешественник изображает «грандиозный док» [35, с. 434], но сразу же находит в нем множество фатальных недостатков; говорит о «грозном флоте, всегда готовом взять курс на Константинопольский Босфор» [35, с. 436], но тут же уверяет, что большинство кораблей лишь кажутся боеспособными; описывает батареи, но оговаривается, что грозные они лишь «на первый взгляд» и «нескольким тысячам

человек <...> не составило бы никакого труда прорваться внутрь крепости, сжечь флот и портовые арсеналы» [35, с. 434]. За невозможностью получить точные сведения, Омер де Гелль идет по тому же пути, что и Кюстин: он описывает Севастополь так, как того желают читатели – с соблюдением востребованной пропорции мифологем силы и слабости России.

Этот рассказ Омер де Гелля о Севастополе был опубликован в 1845 г., и закономерно предположить, что образцом послужило нашумевшее сочинение Кюстина. Французский инженер не ошибся с выбором повествовательной тактики – за свой труд он был удостоен ордена Почетного легиона [72, р. 349].

Исследователи полагают [32, с. 74; 65, с. 91], что книга Кюстина стала важным этапом информационно-психологической подготовки к Крымской войне. Стоит с этим согласиться и заметить, что соотношение представлений о силе и слабости России, которое отразилось в сочинении Кюстина, может восприниматься как маркер определенного состояния общественного мнения: общество еще не готово вступить в вооруженный конфликт, но уже готово всерьез обдумывать его возможность.

Постепенно начинала превалировать мысль о слабости России. В 1853 г., через 10 лет после выхода книги Кюстина и в канун начала Крымской кампании, вышло, скажем, сочинение Ж. де Ланьи «Кнут и русские. Нравы и устройство России». Анализируя это издание, Н. П. Таньшина замечает, что Ланьи изобразил Россию страной парадоксов: «Вроде бы, все плохо, но, в то же время, для русских – очень даже нет» [54, с. 363]. Это очередное отражение парадоксальности французского мифа, где в образе России «плохое» накладывается на «хорошее», «слабость» – на «силу». Разница с Кюстином лишь в том, что теперь мифологема «русской слабости» стала преобладающей, и потому Ланьи «уверяет читателя, что европейцам нечего опасаться России, ведь она – колосс на глиняных ногах» [54, с. 363]. За немалый период времени французское общество оказалось психологически подготовлено к войне, и потому, констатирует Е. В. Тарле, начало Крымской кампании французы восприняли с искренним энтузиазмом [56, с. 15]. Кюстин увидел в этой войне «крестовый поход» «стран Запада против “варварской России”» [33]. В 1855 г. он переиздал свою книгу, напомнив в специальном предисловии, что был первым, кто решился высказать «смелые наблюдения» о России и предсказал поединок между католической и православной церквями [68, р. 1–2]. Это восторженное предисловие датировано 15 июня 1854 г. [68, р. 1–2] – когда наиболее острая фаза боевых действий – вторжение в Крым – еще не началась.

П. А. Вяземский, оказавшись в Европе во время Крымской кампании, ввязался в «войну перьев» [41, с. 42–43] и опубликовал на французском языке «Письма русского ветерана 1812 г.». Он напоминал, что во время Московского похода триумфальные настроения сменились унынием, когда французам пришлось «сойтись в рукопашную с колоссом на глиняных ногах» [74, р. 364]. Во многом это звучало как предзнаменование. Осада Севастополя затягивалась, французы несли значительные потери, воинственный азарт общества угасал [40, с. 48–49], упорство и жертвенность защитников Севастополя делали образ «колосса на глиняных ногах» мало актуальным.

Мы не ставим целью описать полную историю «баланса» мифологем «силы» и «слабости» в русском мифе. Продемонстрированных фактов достаточно, чтобы констатировать: этот баланс постоянно менялся в зависимости от исторических условий, и чем мощнее развивалась мифологема «иллюзорности русской силы», тем очевиднее ситуация скатывалась к состоянию войны. В качестве дополнительного подтверждения последней мысли достаточно вспомнить тактику гитлеровской пропаганды. С одной стороны, она развивала тезис о непобедимости германской армии [2, с. 34], с другой – настаивала на слабости противника. В январе 1941 г. Гитлер сообщал своим командующим: «Русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев, они плохо оснащены» [15, с. 118]. Такого рода утверждения заглушали присутствовавший в сознании немецких солдат «страх перед русскими» [2, с. 37].

Однако, напомним, что в исполнении Кюстина мифологемы «силы» и «слабости» России сохраняли приблизительный паритет, что соответствует состоянию общества, готового к политической конфронтации, но еще не решившегося на военную агрессию. Как раз такая ситуация возникла в период холодной войны.

К концу Второй мировой войны монопольное обладание ядерным арсеналом позволило США рассматривать возможность упреждающего удара по СССР. Известно, что с 1945 по 1948 г. «различными американскими ведомствами было подготовлено свыше десяти развернутых планов превентивного военного нападения на СССР с использованием ядерного оружия» [51, с. 287]. Это поначалу плохо согласовывалось с общественным мнением, которое привыкло воспринимать Советский Союз в качестве союзника. Однако американской пропаганде, которая «не сильно отличалась от реальных планов атомной войны» [49, с. 147], довольно быстро удалось развить миф «советской угрозы».

В тот период рождалась концепция «сдерживания», которую развивал Дж. Ф. Кеннан, занимавший в 1945–1946 г. должность советника американского посольства в СССР. Именно его анализ ситуации послужил теоретической основой для стратегии США в «холодной войне». Одной из ключевых в этом отношении работ Кеннана была статья «Истоки советского поведения» в журнале «Foreign Affairs», посвященном международным отношениям.

По убеждению автора, сама коммунистическая идея предполагает агрессию коммунистических стран против капиталистических, а следовательно, наступление Советского Союза на западные демократии неизбежно. Диктатура партии позволяет Советскому Союзу мобилизовать весьма значительные моральные и материальные ресурсы, что превращает СССР в опасного врага для США. Но при этом, как полагает Кеннан: «Россия останется экономически уязвимой и в некотором роде немощной страной, которая может экспортировать свой энтузиазм или распространять необъяснимые чары своей примитивной политической живучести, но не в состоянии подкрепить эти предметы экспорта реальными свидетельствами материальной мощи и процветания» [18]. Все это чрезвычайно напоминает соотношение мифологем в книге Кюстина. И вполне закономерно, что Кеннан в скором времени выпустил биографический труд о маркизе де Кюстине. В этом исследовании он отмечал, что

произведение француза является лучшей книгой, показывающей Россию Иосифа Сталина, и далеко не худшей о России Брежнева и Косыгина» [19, с. 122]. Кеннан, таким образом, подводил читателя к мысли о необходимости экстраполировать наблюдения француза на советскую современность, которая, по мысли Кеннана, в своей основе являлась слепком с николаевской России. Вполне допустимо, что в сознании западных читателей Кеннана Николай I, И. В. Сталин и Л. И. Брежнев действительно представляли историческими фигурами одного порядка, однако очевидно, что причина подобного отождествления скрывалась не в «окостенелости» самой России, а в стабильности ее образа, бытовавшего на Западе.

Очень показательным в этом отношении признанием К. Юнга: «Говоря о России, сейчас же вспоминаешь “батюшку” царя или другого “батюшку” – Сталина» [66, с. 181]. То есть образ «русского правителя» мифологизировался, занял стабильное место в мифе о России. И США за основу внешнеполитической доктрины восприняли этот миф в том виде, в каком его сформулировал некогда маркиз де Кюстин: мифологемы российской «силы» и «слабости» здесь сочетались в пропорциях, характерных для 1830-х – 1840-х гг. Соответствующим был и «отклик» в коллективном сознании американцев: общество не готово было вступить в вооруженный конфликт, но было готово всерьез обдумывать его возможность. И эту картину мы наблюдаем на протяжении всей холодной войны, когда гонка вооружений постоянно стремилась дестабилизировать «пропорции» мифа о России (об СССР), а «ядерный паритет» удерживал их стабильность.

Последовавшее затем крушение Советского Союза настолько радикально перекроило картину мира, что привычный «русский миф» с присущими ему идеологемами «угрозы» и «военной мощи» даже не реформировался, он попросту выпал из нее. Дж. Голдгейр и М. Макфол свидетельствуют, что в США «потребовалось некоторое время, чтобы приспособиться к новому миру, где Россия играла второстепенную роль в международных отношениях» [10, с. 430]. Метафорически выражаясь, теперь Россия выглядела не «слабым», а поверженным, безвозвратно разрушившимся колоссом, и это делало неактуальным ее образ для коллективного сознания Запада.

Впрочем, уже в 2000-х гг., как только Россия проявила сколько-нибудь уверенную готовность отстаивать свои интересы, на Западе привычный миф о России был быстро извлечен из запасников памяти. Как справедливо отмечает А. П. Машенко, в пропагандистский оборот снова вернулись старые претензии: деспотизм, экспансионизм, нарушения прав человека [25, с. 61], началась «демонизация Путина как главного русского злодея, пришедшего на смену Ивану Грозному, Петру Первому, Николаю Первому и Иосифу Сталину» [25, с. 99].

2014 год стал этапом окончательной реанимации русского мифа в его «редакции» Кюстина и эпохи холодной войны. С одной стороны, западная пресса начала активно разгонять истерию по поводу «русской угрозы» [4], с другой – указывать на отсталость России. Комплекс «маркиза де Кюстина» наиболее ярко выразился в январе 2015 г. в ежегодном послании президента США к Конгрессу. В отношении России это выступление развивало два основных тезиса: 1) Россия является одной из главных угроз западному миру и 2) экономика России «разорвана

в ключья». То есть мифологемы «силы» и «слабости» России уравновесили одна другую. И это стало основным трендом интерпретации российской политики западной медиасферой последующих лет.

Такая иллюстрация. 19 декабря 2021 г. на французском сетевом ресурсе «Les Yeux du Monde» появилась публикация с характерным заглавием «Кремль – киберкоLOSS на глиняных ногах?» [71] Автор – Mathilde Fayet – аттестуется изданием как специалист в области геополитики постсоветского пространства. Немалая по объему статья рассказывает о кибератаках России в международном пространстве. По утверждению М. Fayet, Россия стала инициатором «первой в истории кибервойны», атаковав в 2007 г. Таллин, и с тех пор регулярно наносит киберудары по разным странам. Автор запросто называет читателю российские специальные структуры, занятые кибервойной, в том числе – и особое подразделение ФСБ в Крыму. Источники этой секретной информации, разумеется, не указаны. Но интересно вот что. Автору удается «примирить» в одном тексте две взаимоисключающие мысли: Россия изображается и отсталой в области информационных технологий страной, и в то же время – противником, который угрожает и Франции, всей Европе именно своим продвинутым кибероружием. То есть «коLOSS» снова изображается и слабым, и грозным одновременно.

Нет сомнений, что к концу 2021 г. западное общественное мнение в отношении России характеризовалось теми же признаками, что в эпоху Кюстина или холодной войны. Антироссийская истерия оказалась доведена до такого градуса накала и таких масштабов, что уже стала представлять собой стихийный процесс, который не может контролироваться отдельными политическими силами. После событий, начавшихся в феврале 2022 г., мифологема «русской слабости» явно получила значительную подпитку со стороны политической элиты Запада, распространяющей идею о катастрофической уязвимости России перед лицом экономических санкций. Коллективное сознание Запада оказалось вполне подготовленным к экономической войне против России. Готовность к войне реальной ограничена лишь наличием у России ядерного потенциала – западная пропаганда имеет возможность изобразить «северного коLOSSа» каким угодно, но только не беззащитным.

ВЫВОДЫ

«Комплекс маркиза де Кюстина» – важнейший атрибут западного мифа о России, предполагающий объединение взаимоисключающих представлений о стране. Речь идет о постоянном конкурентном сосуществовании мифологем «сила России» vs «слабость России». Преобладание мифологемы «сила России» ведет к осознанию опасности агрессивных действий в отношении России, тогда как преобладание мифологемы «слабость России» рождает в коллективном мышлении Запада идею о необходимости нейтрализации России как потенциальной угрозы. В том и другом случаях Россия воспринимается в качестве противника, разнится лишь выбираемый принцип отношений с этим противником: вынужденное сотрудничество либо силовое подавление.

Эта амбивалентность западного мифа уходит корнями в эпоху первобытного мифомышления и имеет способность к стихийному самоподдержанию в наше время.

Однако современность открыла возможности для искусственного вмешательства в соотношение конкурирующих мифологем. Средства манипуляции общественным мнением позволяют сегодня произвольно разрушать паритет между мифологемами «сила России» и «слабость России», подавляя – одну и поддерживая активность – другой. Это, в свою очередь, позволяет обмануть коллективную интуицию и консолидировать общество вокруг целей, диктуемых не логическим ходом вещей, а интересами манипулятора сознанием. Таким образом, западный миф о России в наши дни оказался превращен в мощное оружие информационной войны.

Список литературы

1. *Ададуров В. В.* Война цивилизаций: Социокультурная история русского похода Наполеона. Т. 1: Религия – Язык. – Киев: Лаурус, 2017. – 400 с.
2. *Айрапетов А. Г., Молотков С. Н.* Вермахт в войне против СССР (историко-психологический аспект) // Новая и новейшая история. – 2010. – № 4. – С. 32–46.
3. *Аллатова Т.* Карамзин-филолог на страницах «Писем русского путешественника». О механизме взаимодействия «своего» и «чужого» // Вопросы литературы. – 2006 – № 4. – С. 159–175.
4. *Боева-Омелечко Н. Б., Постерняк К. П.* Лингвистические средства создания негативного образа России в британском медиадискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2015. – № 3. – С. 124–131.
5. *Брикнер А. Г.* Путешествие Екатерины II в полуденный край России в 1787 г. // Журнал Министерства народного просвещения. – 1872. – Т. CLXII. – № 6. – С. 1–51.
6. *Бэр К. М.* Отчет о путешествии на Маньчжурь // Вестник императорского географического общества. – 1856. – Ч. 18. – С. 232–254.
7. *Габричидзе Т. Г., Болтовский А. В., Рябков А. Л.* Русофобия как одна из составляющих информационной войны с Россией // Материалы XVI Международной научно-практической конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». В 2-х т. Т. 1. – Тольятти: Волжский университет имени В. Н. Татищева, 2019. – С. 3–7.
8. *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 7: Статьи из «Колокола» и другие произведения 1861 г. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 498 с.
9. *Гладышев А. В.* Казаки во Франции в 1814 году: образ и коллективная память // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 4 (45). – С. 15–24.
10. *Голдгейр Дж., Макфол М.* Цель и средства: Политика США в отношении России после «холодной войны». – М.: Междунар. отношения, 2009. – 519 с.
11. *Гончарова Т. Н.* Русская политика кабинетов Реставрации и Июльской монархии // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – СПб.: СПбГУ, 2017. – № 17 (2). – С. 48–79.
12. *Гордеев А. А.* История Казаков [В 3-х ч.]. Ч. 3. Со времени царствования Петра Великого до начала Великой войны 1914 года. – Париж, 1970. – 287 с.
13. *Душенко К. В.* «Потемкинские деревни» и «фасадная империя» // Культурология. – 2018. – № 2 (58). – С. 97–101.
14. *Земцов В. Н.* Россия глазами Наполеона // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 181–186.
15. *Ильинский И. М.* Великая Отечественная: Правда против мифов. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. – 320 с.
16. История дипломатии. В 3-х т. Т. 1. – М.: ОГИЗ Соцэкгиз, 1941. – 566 с.

17. Каспийская экспедиция К. М. Бэра 1853–1857 гг. Дневники и материалы. – Л.: Наука, 1984. – 557 с.
18. *Кеннан Дж. Ф.* Истоки советского поведения // Библиотека учебной и научной литературы. – Режим доступа: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kenan_ist/. – (Дата обращения: 21.03.2022).
19. *Кеннан Дж. Ф.* Маркиз де Кюстин и его «Россия в 1839 году» = The Marquis de Custine and His "Russia in 1839". – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.
20. *Клейн И.* «Письма русского путешественника» как документальный источник // Новое литературное обозрение. – М., 2010. – № 5. – С. 334–337. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/5/pisma-russkogo-puteshestvennika-kak-dokumentalnyj-istochnik.html>. – (Дата обращения: 21.03.2022).
21. *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 272 с.
22. *Конкин Д. В.* Крым в наполеоновскую эпоху: «французский след» в региональной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 540–559.
23. *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году. – СПб.: Крига, 2008. – 704 с.
24. *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. – Л.: Наука, 1987. – С. 525–606.
25. *Мащенко А. П.* «Американский Крым»: обман зрения. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2021. – 140 с.
26. *Мезин С. А.* Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 232 с.
27. *Местр Ж. де.* Петербургские письма (1803–1817). – СПб.: ИНАпресс, 1995. – 334 с.
28. *Мильчина В. А.* «В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи»: об одной газетной новости 1844 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2021. – № 1. – С. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
29. *Мильчина В. А., Осват А. Л.* Комментарий к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». – СПб.: Крига, 2008. – 368 с.
30. *Мильчина В. А., Осват А. Л.* Петербургский кабинет против маркиза де Кюстина // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 13. – С. 272–284. – Режим доступа: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/CUSTINE_2.HTM. – (Дата обращения: 21.03.2022).
31. *Митрофанов А. А.* Русско-французские отношения в зеркале бонапартистской пропаганды (1800–1801 гг.) // Французский ежегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). – М., 2006. – С. 130–145.
32. *Моисеенко В. А.* «Правдивость» Астольфа де Кюстина и «Развесистая клюква» Александра Дюма: градостроительный аспект двух градостроительных мифов // Интеграция образования. – 2010. – N 3. – С. 72–78.
33. *Мяло К. Г.* Хождение к варварам, или Вечное путешествие маркиза де Кюстина // Москва, 1996. – № 12. – Режим доступа: http://elenapyuhtia.blogspot.com/2018/02/blog-post_729.html. – (Дата обращения: 21.03.2022).
34. Общее собрание Императорского русского географического общества 27 октября 1856 года // Вестник Императорского географического общества. – СПб., 1856. – Ч. 18. – С. 1–4.
35. *Орехов В. В.* В лабиринте крымского мифа. – Симферополь; Нижний Новгород: «Растр», 2017. – 579 с.

36. Орехов В. В. «Партизанская тактика» информационной войны. Часть II: Информационная безопасность в эпоху Николая I // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь, 2021. – Т. 7 (73). – № 3. – С. 131–167.
37. Орехов В. В. Русские «скифы»: эволюция образа // Вестник славянских культур. – 2009. – №1 (XI). – С. 68–74.
38. Орехов В. В. «Русский миф» и «комплекс маркиза де Кюстина». Часть I: Крым и «потемкинские деревни» // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2022. – Т. 8 (74). – № 1. – С. 42–57.
39. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра: Русская лирическая проза XX века. – Киев: УМК ВО, 1992. – 96 с.
40. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – 2-е изд., перераб. и доп. – Симферополь: ОАО «СТГ», 2010. – 480 с.
41. Орехова Л. А., Суцинина С. С. Крымская война в жизни и творчестве П. А. Вяземского // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2005. – № 10. – С. 42–50.
42. Ощепков А. Р. «Феномен Кюстина»: книга «Россия в 1839 году» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Выпуск 21 (707) Филологическое науки. – 2014. – С. 142–151.
43. Парамонов Б. М. Непрошенная любовь: маркиз де Кюстин в России // Время и мы. – Тель-Авив, 1993. – № 119. – С. 155–176.
44. Партаненко Т. В. Формулировка А. де Кюстином западноевропейского образа врага // Клио. – 2006. – № 2. – С. 52–57.
45. Первых Д. К. Крымская тема в редакционной политике журнала «Отечественные записки»: 1824–1825 гг. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2021. – Том 7 (73). – № 3. – С. 168–182.
46. Промыслов Н. В. Французская пропаганда о России накануне и во время войны 1812 года [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2013. – Т. 4. – Выпуск 1 (17). – Режим доступа: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000003-2-5/> – (Дата обращения: 15.03.2022).
47. Промыслов Н. В. Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 254 с.
48. Промыслов Н. В., Прусская Е. А., Митрофанов А. А. «Русская угроза» во французской прессе конца XVIII – начала XIX вв. // Французский ежегодник 2015: К 225-летию Французской революции. – М.: ИВИ РАН, 2015. – С. 343–391.
49. Путилин Б. Г., Золотарев В. А. Холодная война: В 2 т. – М.: ИНЭС, РУБИН, 2014. – Т. 1: Противостояние двух сверхдержав. – 984 с.
50. Серкова В. А. Матрица «культурного неблагополучия» // Logos et Praxis. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 17–26. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.3.2>
51. Современная внешняя политика США. В 2-х тт. / Отв. ред. Г. А. Трофименко. – М.: Наука, 1984. – Т. 1. – 458 с.
52. Талейран Ш.-М. Мемуары. – М.: Издательство института международных отношений, 1959. – 440 с.
53. Таньшина Н. П. Антироссийские настроения во Франции в годы Июльской монархии (1830–1848) // Новая и новейшая история. – 2017. – № 4. – С. 91–108.
54. Таньшина Н. П. Кнут как образ власти Российской империи (по материалам книги Жермена де Ланьи) // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века. Материалы II Международной научно-образовательной конференции: в 2 т. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. – Т. 1. – С. 357–361.

55. Танышина Н. П. «Какой писатель нынче в моде?». Образы России в исторической памяти французов // Наука. Общество. Оборона. – 2021. – Т. 9. – № 3(28). – С. 21–21. <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-3-21-21>. – Режим доступа: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obsestvo-oborona/2021-3-28/article-0291/> – (Дата обращения: 15.03.2022).
56. Тарле Е. В. Самодержавие Николая I и французское общественное мнение // Былое. – Петербург, 1906. – № 9. – С. 12–42.
57. Тарле Е. В. Сочинения: В 12-ти т. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. 7. – 864 с.
58. Ундалов А. М. О некоторых методах влияния наполеоновской пропаганды на общественное мнение // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 4. – С. 64–69.
59. Федосова Е. И. Первое «сердечное согласие» (К вопросу о франко-английских отношениях в 30–40-е гг. XIX в.) // Французский ежегодник 2008: Англия и Франция – соседи и конкуренты. XIV–XIX вв. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 201–219.
60. Храпунов Н. И. Крым в контексте франко-русских отношений эпохи Наполеона // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21. – № 2. – С. 69–86.
61. Храпунов Н. И. Крымская миссия Жана Рёйи // Французский ежегодник. – М.: ИВИ РАН, 2017. – С. 113–140.
62. Черкасов П. П. Кто Вы, Астольф де Кюстин? // Родина. – 2009. – № 3. – С. 73–77.
63. Чудинов А. В. «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 18. – № 2 (151). – С. 25–41.
64. Чудинов А. В. Французские агенты о положении в Крыму накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов // Русско-французские культурные связи в эпоху Просвещения: материалы и исследования: сборник памяти Г. С. Кучеренко. М.: РГГУ, 2001. – С. 202–243.
65. Шевченко П. А. Такая разная Россия: взгляд из Франции XIX в. и современное информационное противостояние // Устойчивое развитие науки и образования. – 2020. – № 8. – С. 89–93.
66. Юнг К.Г. О современных мифах. – М.: Практика, 1994. – 252 с.
67. Cortambert R. M-me Hommaire de Hell // Cortambert R. Les illustres voyageuses. – Paris: E. Maillet, 1866. – P. 181–214.
68. Custine, A. de. La Russie. – Paris, Amyot, 1855. – 196 p.
69. Custine, A. de. La Russie en 1839. Vol. 4. – Paris, Amyot, 1843. – 544 p.
70. Custine A. de. Lettres du marquis A. de Custine à Varnhagen d'Ense et Rahel Varnhagen d'Ense. – Bruxelles, H. Merzbach, 1870. – 511 p.
71. Fayet M. Le Kremlin: colosse cyber aux pieds d'argile? 2/2 // Les Yeux du Monde. 19.12.2021. – Режим доступа: <https://les-yeux-du-monde.fr/actualites-analyses/europe/russie/49407-le-kremlin-colosse-cyber-aux-pieds-dargile-2-2/>. – (Дата обращения: 15.03.2022).
72. Goutzwiller Ch. X. Hommaire de Helle. Étude biographique // Revue d'Alsace. – Colmar, 1860. – Pp. 337–355.
73. Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.> Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Vol. 1–3. Paris: Bertrand, 1843–1845.
74. Ostafievo de P. [Вяземский П. А.] Trente lettres d'un vétéran Russe de l'année 1812 sur la question d'Orient. Lausanne: D. Martignier, 1855. – 446 p.
75. Roquette de la. Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse // Bulletin de la Société de géographie. – Т. 14. – № 79–84. – 1850. – pp. 29–58.
76. Stendhal. Souvenirs d'égotisme. – Paris, Le Divan, 1927. – 210 p.
77. Thibaudeau A. C. Histoire générale de Napoléon Bonaparte. – Paris, 1827–1828, vol. 3. – 524 p.

References

1. Adadurov V. V. *Vojna civilizacij: Sociokul'turnaja istorija russkogo pohoda Napoleona. Vol. 1: Religija – Jazyk* [War of Civilizations: Sociocultural History of Napoleon's Russian Campaign. T. 1: Religion - Language]. Kiev, Laurus Publ., 2017. 400 p.
2. Ajrapetov A. G., Molotkov S. N. *Vermaht v vojne protiv SSSR (istoriko-psihologičeskij aspekt)* [Wehrmacht in the war against the USSR (historical and psychological aspect)]. *Novaja i novejšaja istorija*, 2010, no. 4, pp. 32–46.
3. Alpatova T. *Karamzin-filolog na stranicah «Pisem russkogo puteshestvennika». O mehanizme vzaimodejstvija «svoego» i «chuzhogo»* [Karamzin-philologist on the pages of the Letters of a Russian Traveler. On the mechanism of interaction between "one's own" and "alien"]. *Voprosy literatury*, 2006, no 4, pp. 159–175.
4. Boeva-Omelechko N. B., Posternjak K. P. *Lingvističeskie sredstva sozdanija negativnogo obraza Rossii v britanskom mediadiskurse* [Linguistic means of creating a negative image of Russia in the British media discourse]. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki*, 2015, no. № 3, pp. 124–131.
5. Brikner A. G. *Puteshestvie Ekateriny II v poludennyj kraj Rossii v 1787 g.* [Journey of Catherine II to the midday region of Russia in 1787]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshhenija*, 1872, vol. SLXII, no. 6, pp. 1–51.
6. Bjer K. M. *Otchet o puteshestvii na Manyč* [Report on the trip to Manyč]. *Vestnik imperatorskogo geografičeskogo obščestva*, 1856, no. 18, pp. 232–254.
7. Gabrichidze T. G., Boltovskij A. V., Rjabkov A. L. *Rusofobija kak odna iz sostavljajushhih informacionnoj vojny s Rossiej* [Russophobia as one of the components of the information war with Russia]. *Materialy XVI Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii «Tatišhevskie čtenija: aktual'nye problemy nauki i praktiki»*. V 2-h t. T. 1. Tol'jatti, Volzhskij universitet imeni V. N. Tatišheva Publ., 2019, pp. 3–7.
8. Gercen A. I. *Sobr. soch.: V 30-ti t. T. 7: Stat'i iz «Kolokola» i drugie proizvedenija 1861 g.* [Collected works: In 30 volumes. T. 7: Articles from the "Kolokol" and other works of 1861]. Moscow, AN SSSR Publ., 1958. 498 p.
9. Gladyshev A. V. *Kazaki vo Francii v 1814 godu: obraz i kollektivnaja pamjat'* [Cossacks in France in 1814: image and collective memory]. *Ural'skij istoričeskij vestnik*, 2014, no. 4 (45), pp. 15–24.
10. Goldgejr Dzh., Makfol M. *Cel' i sredstva: Politika SShA v otnošenii Rossii posle «holodnoj vojny»* [Purpose and Means: US Policy towards Russia after the Cold War]. Moscow: Meždunar. otnošenija Publ., 2009. 519 p.
11. Goncharova T. N. *Russkaja politika kabinetov Restavracii i Ijul'skoj monarhii* [Russian policy of the Restoration cabinets and the July Monarchy]. *Trudy kafedry istorii novogo i novejšego vremeni*, 2017, no. 17 (2), pp. 48–79.
12. Gordeev A. A. *Istorija Kazakov. V 3-h ch.. Ch. 3. So vremeni carstvovanija Petra Velikogo do nachala Velikoj vojny 1914 goda* [History of the Cossacks. In 3 volumes. Part 3. From the reign of Peter the Great to the beginning of the Great War of 1914]. Paris, 1970. 287 p.
13. Dushenko K. V. *«Potemkinskie derevni» i «fasadnaja imperija»* ["Potemkin villages" and "facade empire"]. *Kul'turologija*, 2018, no. 2 (58), pp. 97–101.
14. Zemcov V. N. *Rossija glazami Napoleona* [Russia through the eyes of Napoleon]. *Politicheskaja lingvistika*, 2016, no. 4 (58), pp. 181–186.
15. Il'inskij I. M. *Velikaja Otečestvennaja: Pravda protiv mifov* [Great Patriotic War: Truth against myths]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta Publ., 2015. 320 p.
16. *Istorija diplomatii. V 3-h t.* [History of diplomacy. In 3 vols]. Moscow, OGIZ Socjkgiz Publ., 1941–1945, vol. 1. 566 p.

17. *Kaspijskaja jekspedicija K. M. Bjera 1853–1857 gg. Dnevnik i materialy* [Caspian expedition of K. M. Baer 1853–1857. Diaries and materials]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 557 p.
18. Kennan Dzh. F. *Istoki sovetского povedenija* [Origins of Soviet behavior]. *Biblioteka uchebnoj i nauchnoj literatury*. Available from: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/kenan_ist/ (accessed: 21.03.2022).
19. Kennan Dzh. F. *Markiz de Kjustin i ego «Rossija v 1839 godu»* [The Marquis de Custine and His "Russia in 1839"]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2006. 240 pp.
20. Klejn I. «*Pis'ma russkogo puteshestvennika*» kak dokumental'nyj istochnik ["Letters of a Russian traveler" as a documentary source]. *Novoe lit. obozrenie*, 2010, no. 5, pp. 334–337. Available from: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/5/pisma-russkogo-puteshestvennika-kak-dokumentalnyj-istochnik.html> (accessed: 21.03.2022).
21. Kozlov V. P. *Tajny fal'sifikacii. Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov* [Secrets of falsification. Analysis of forgeries of historical sources of the 18th–19th centuries]. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996. 272 p.
22. Konkin D. V. *Krym v napoleonovskuju jepohu: «francuzskij sled» v regional'noj politike* [Crimea in the Napoleonic era: "French trace" in regional politics]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Istorija Rossii*, 2019, vol. 18, no. 3. pp. 540–559.
23. Kjustin A. de. *Rossija v 1839 godu* [Russia in 1839]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2008. 704 p.
24. Lotman Ju. M., Uspenskij B. A. «*Pis'ma russkogo puteshestvennika*» Karamzina i ih mesto v razvitii russkoj kul'tury ["Letters from a Russian Traveler" by Karamzin and Their Place in the Development of Russian Culture]. *Karamzin N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika*. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 525–606.
25. Mashhenko A. P. «*Amerikanskij Krym*»: obman zrenija ["American Crimea": an optical illusion]. Simferopol', Arial Publ., 2021. 140 p.
26. Mezin S. A. *Vzgljad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I* [View from Europe: French authors of the 18th century about Peter I]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta Publ., 2003. 232 p.
27. Mestr Zh. de. *Peterburgskie pis'ma (1803–1817)* [Petersburg Letters (1803–1817)]. St. Petersburg, 1995. 334 p.
28. Mil'china V. A. «*V nashi dni bol'shinstvo utok vvozitsja iz Rossijskoj imperii*»: ob odnoj gazetnoj novosti 1844 g. ["Today, most ducks are imported from the Russian Empire": about one newspaper news in 1844]. *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija»*, 2021, no. 1, pp. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
29. Mil'china V. A., Ospovat A. L. *Kommentarij k knige Astol'fa de Kjustina «Rossija v 1839 godu»* [Commentary on the book by Astolfe de Custine "Russia in 1839"]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2008. 368 p.
30. Mil'china V. A., Ospovat A. L. *Peterburgskij kabinet protiv markiza de Kjustina* [Petersburg cabinet against the Marquis de Custine]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 1995, no. 13, pp. 272–284. Available from: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/HISTORY/CUSTINE_2.HTM (accessed: 21.03.2022).
31. Mitrofanov A. A. *Russko-francuzskie otnoshenija v zerkale bonapartistskoj propagandy (1800–1801 gg.)* [Russian-French relations in the mirror of Bonapartist propaganda (1800–1801)]. *Francuzskij ezhegodnik 2006: Napoleon i ego vremja. K 100-letiju A. Z. Manfreda (1906–1976)*. Moscow, 2006, pp. 130–145.
32. Moiseenko V. A. «*Pravdivost'» Astol'fa de Kjustina i «Razvesistaja kljukva» Aleksandra Djuma: gradostroitel'nyj aspekt dvuh gradostroitel'nyh mifov* ["Truthfulness" of Astolfe de Custine and "Spreading Cranberry" by Alexandre Dumas: urban planning aspect of two urban planning myths]. *Integracija obrazovanija*, 2010, no. 3, pp. 72–78.

33. Mjalo K. G. *Hozhdenie k varvaram, ili Vechnoe puteshestvie markiza de Kjustina* [Journey to the Barbarians, or the Eternal Journey of the Marquis de Custine]. Moskva, 1996, no. 12. Available from: http://elenapyyhtia.blogspot.com/2018/02/blog-post_729.html (accessed: 21.03.2022).
34. *Obshhee sobranie Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva 27 oktjabrja 1856 goda* [General meeting of the Imperial Russian Geographical Society October 27, 1856]. *Vestnik Imperatorskogo geograficheskogo obshhestva*, 1856, vol. 18, pp. 1–4.
35. Orehov V. V. V labirinte Krymskogo mifa [In the labyrinth of the Crimean myth]. Simferopol, N. Novgorod, Rastr Publ., 2017. 579 p.
36. Orehov V. V. «Partizanskaja taktika» informacionnoj vojny. Chast' II: Informacionnaja bezopasnost' v jepohu Nikolaja I ["Partisan tactics" of information warfare. Part II: Information security in the era of Nicholas I]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 131–167.
37. Orehov V. V. *Russkie «skify»: jevoljucija obraza* [Russian "Scythians": the evolution of the image]. *Vestnik slavjanskih kul'tur*, 2009, no. 1 (XI), pp. 68–74.
38. Orehov V. V. «Russkij mif» i «kompleks markiza de Kjustina». Chast' I: Krym i «potemkinskie derevni» ["Russian myth" and "complex of the Marquis de Custine". Part I: Crimea and "Potemkin villages"]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2022, vol. 8 (74), no. 1, pp. 42–57.
39. Orehova L. A. *Obraz avtora i pojetika zhanra: Russkaja liricheskaja proza XX veka* [The image of the author and the poetics of the genre: Russian lyrical prose of the twentieth century]. Kyiv, UMK VO Publ., 1992. 96 p.
40. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
41. Orehova L. A., Sushhinina S. S. *Krymskaja vojna v zhizni i tvorcestve P. A. Vjazemskogo* [The Crimean War in the life and work of P. A. Vyazemsky]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*, 2005, no. 10, pp. 42–50.
42. Oshhepkov A. R. «Fenomen Kjustina»: kniga «Rossija v 1839 godu» ["The phenomenon of Kustin": the book "Russia in 1839"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Vypusk 21 (707) Filologicheskoe nauki*, 2014, pp. 142–151.
43. Paramonov B. M. *Neproshennaja ljubov': markiz de Kjustin v Rossii* [Unbidden love: Marquis de Custine in Russia]. *Vremja i my*, 1993, no. 119, pp. 155–176.
44. Partanenko T. V. *Formulirovka A. de Kjustinom zapadnoevropejskogo obraza vraga* [Formulation by A. de Custine of the Western European image of the enemy]. *Klio*, 2006, no. 2, pp. 52–57.
45. Pervyh D. K. *Krymskaja tema v redakcionnoj politike zhurnala «Otechestvennye zapiski»: 1824–1825 gg.* [The Crimean theme in the editorial policy of the journal "Notes of the Fatherland": 1824–1825]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 3, pp. 168–182.
46. Promyslov N. V. *Francuzskaja propaganda o Rossii nakanune i vo vremja vojny 1812 goda* [French propaganda about Russia on the eve and during the war of 1812]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*, 2013, vol. 4, no. 1 (17). Available from: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840000003-2-5/> (accessed: 15.03.2022).
47. Promyslov N. V. *Francuzskoe obshhestvennoe mnenie o Rossii nakanune i vo vremja vojny 1812 goda* [French public opinion about Russia on the eve and during the war of 1812]. Moscow, Politicheskaja jenciklopedija Publ., 2016. 254 p.
48. Promyslov N. V., Prusskaja E. A., Mitrofanov A. A. «Russkaja ugroza» vo francuzskoj presse konca XVIII – nachala XIX vv. ["Russian threat" in the French press of the late 18th – early 19th

- centuries]. *Francuzskij ezhegodnik 2015: K 225-letiju Francuzskoj revoljucii*. Moscow, IVI RAN Publ., 2015, pp. 343–391.
49. Putilin B. G., Zolotarev V. A. *Holodnaja vojna: V 2 t.* [Cold War: In 2 vols.]. Moscow, INJeS, RUBIN Publ., 2014, vol. 1: Protivostojanie dvuh sverhderzhav. 984 p.
 50. Serkova V. A. *Matrica «kul'turnogo neblagopoluchija»* [The matrix of “cultural disadvantage”]. *Logos et Rraxis*, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 17–26. doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2020.3.2.
 51. *Sovremennaja vneshnjaja politika SShA. V 2-h tt.* [Modern US foreign policy. In 2 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 1984, vol. 1. 458 p.
 52. Talejran Sh.-M. *Memuary* [Memoirs]. Moscow, Izdatel'stvo instituta mezhdunarodnyh otnoshenij Publ., 1959. 440 p.
 53. Tan'shina N. P. *Antirossijskie nastroenija vo Francii v gody Ijul'skoj monarhii (1830–1848)* [Anti-Russian sentiments in France during the years of the July Monarchy (1830–1848)]. *Novaja i novejschaja istorija*, 2017, no. 4, pp. 91–108.
 54. Tan'shina N. P. *Knut kak obraz vlasti Rossijskoj imperii (po materialam knigi Zhhermena de Lan'i)* [Knut as an image of the power of the Russian Empire (based on the book of Germain de Lagny)]. *Vseobshhaja istorija i istoricheskaja nauka v XX – nachale XXI veka. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-obrazovatel'noj konferencii: v 2 t.* Kazan, 2020, vol. 1, pp. 357–361.
 55. Tan'shina N. P. «Kakoj pisatel' nynche v mode?». *Obrazy Rossii v istoricheskoi pamjati francuzov* [“Which writer is in fashion today?”]. Images of Russia in the historical memory of the French]. *Nauka. Obshhestvo. Oborona*, 2021, vol. 9, no. 3(28), pp. 21–21. DOI: 10.24412/2311-1763-2021-3-21-21. Available from: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2021-3-28/article-0291/> (accessed: 15.03.2022).
 56. Tarle E. V. *Samoderzhavie Nikolaja I i Francuzskoe Obshhestvennoe Mnenie* [Autocracy of Nicholas I and French Public Opinion]. *Byloe*, 1906, no. 9, pp. 12–42.
 57. Tarle E. V. *Sochinenija: V 12-ti t.* [Works: In 12 volumes]. Moscow, AN SSSR Publ., 1959, vol. 7. 864 p.
 58. Undalov A. M. *O nekotoryh metodah vlijanija napoleonovskoj propagandy na obshhestvennoe mnenie* [On some methods of influence of Napoleonic propaganda on public opinion]. *Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Serija: Upravlenie v social'nyh sistemah. Kommunikativnye tehnologii*, 2012, no. 4, pp. 64–69.
 59. Fedosova E. I. *Pervoe «Serdechnoe Soglasie» (K Voprosu o Franko-Anglijskikh Otnoshenijah v 30–40-e gg. XIX v.)* [The First “Cordial Agreement” (On the Question of French-English Relations in the 30–40s of the 19th)]. *Francuzskij Ezhegodnik 2008: Anglija i Francija – Sosedi i Konkurenty. XIV–XIX vv.* Moscow, LKI Publ., 2008, pp. 201–219.
 60. Hrapunov N. I. *Krym v kontekste franko-russkikh otnoshenij jepohi Napoleona* [Crimea in the context of Franco-Russian relations of the Napoleonic era]. *Izvestija UrFU. Serija 2. Gumanitarnye nauki*, 2019, vol. 21, no. 2, pp. 69–86.
 61. Hrapunov N. I. *Krymskaja missija Zhana Rjoji* [The Crimean mission of Jean Reuilly] // *Francuzskij ezhegodnik*. Moscow, IVI RAN Publ., 2017, pp. 113–140.
 62. Cherkasov P. P. *Kto Vy, Astol'f de Kjustin?* [Who are you, Astolf de Custine?]. *Rodina*, 2009, no. 3, pp. 73–77.
 63. Chudinov A. V. «Soldaty svobody» ili smertel'nyj vrage? *Francuzy v Juzhnoj Italii 1798–1799 gg.* [“Soldiers of Freedom” or a mortal enemy? The French in Southern Italy 1798–1799]. *Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2016, vol. 18, no. 2 (151), pp. 25–41.
 64. Chudinov A. V. *Francuzskie agenty o polozhenii v Krymu nakanune russko-tureckoj vojny 1787–1791 godov* [French agents on the situation in the Crimea on the eve of the Russian-Turkish war of 1787–1791]. *Russko-francuzskie kul'turnye svjazi v jepohu Prosveshhenija: materialy i issledovanija: sbornik pamjati G. S. Kucherenko*. Moscow, RGGU Publ., 2001, pp. 202–243.

65. Shevchenko P. A. *Takaja raznaja Rossija: vzgljad iz Francii XIX v. i sovremennoe informacionnoe protivostojanie* [Such a different Russia: a view from France in the 19th and modern information confrontation]. *Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovanija*, 2020, no. 8, pp. 89–93.
66. Jung K. G. *O sovremennyh mifah* [About modern myths]. Moscow, Praktika Publ., 1994. 252 p.
67. Cortambert R. *M-me Hommaire de Hell* // Cortambert R. *Les illustres voyageuses*. Paris, E. Maillet, 1866, pp. 181–214.
68. Custine, A. de. *La Russie*. Paris, Amyot, 1855. 196 p.
69. Custine, A. de. *La Russie en 1839. Vol. 4*. Paris, Amyot, 1843. 544 p.
70. Custine A. de. *Lettres du marquis A. de Custine à Varnhagen d'Ense et Rahel Varnhagen d'Ense*. Bruxelles, H. Merzbach, 1870. 511 p.
71. Fayet M. *Le Kremlin: colosse cyber aux pieds d'argile? 2/2* // Les Yeux du Monde. 19.12.2021. Available from: <https://les-yeux-du-monde.fr/actualites-analysees/europe/russie/49407-le-kremlin-colosse-cyber-aux-pieds-dargile-2-2/>. (accessed: 15.03.2022).
72. Goutzwiller Ch. X. *Hommaire de Helle. Étude biographique* // Revue d'Alsace. Colmar, 1860, pp. 337–355.
73. Hommaire de Hell X., <Hommaire de Hell A.> *Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale. Vol. 1–3*. Paris: Bertrand, 1843–1845.
74. Ostafievo de P. [Вяземский П. А.] *Trente lettres d'un vétéran Russe de l'année 1812 sur la question d'Orient*. Lausanne: D. Martignier, 1855. 446 p.
75. Roquette de la. *Notice nécrologique sur M. Hommaire de Helle, membre de la Société de géographie, voyageur français, mort en Perse* // Bulletin de la Société de géographie, 1850, vol. 14, no. 79–84, pp. 29–58.
76. Stendhal. *Souvenirs d'égotisme*. Paris, Le Divan, 1927. 210 p.
77. Thibaudeau A. C. *Histoire générale de Napoléon Bonaparte*. Paris, 1827–1828, vol. 3. 524 p.

**"RUSSIAN MYTH" AND "COMPLEX OF THE MARQUISE DE CUSTINE".
PART II: "NORTHERN COLOSS"
IN THE CONTEXT OF INFORMATION WAR**

Orekhov V. V.

The phenomenon of competitive coexistence in the Western myth about Russia of two polar mythologemes "strength of Russia" vs "weakness of Russia" is called "the complex of the Marquis de Custine" in the article. This ambivalence of Western myth is most vividly expressed in A. de Custine's book "Russia in 1839". Analysis of the existence of the "Russian myth" in chronological space since the end of the 18th century up to the present day (until the Special Military Operation in Ukraine) allows us to conclude that, depending on a number of factors, the ratio of these mythologemes has been constantly changing. The predominance of the "strength of Russia" mythologem led to an awareness of the danger of aggressive actions against Russia, while the predominance of the "weakness of Russia" mythologem gave rise to the idea of the need to neutralize Russia as a potential threat in the collective thinking of the West. In both cases, Russia was perceived as an adversary, only the chosen principle of relations with this adversary differed: forced cooperation or forceful suppression. Modern opportunities for manipulating public opinion make it possible to arbitrarily destroy the parity between the mythologemes "Russia's strength" and "Russia's weakness", turning the Western myth about Russia into a powerful weapon of information warfare.

Keywords: A. de Custine, ambivalence of myth, myth about Russia, facade empire, imagology.